

ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Описаны основные результаты эмпирического исследования восприятия межличностных отношений респондентами разной этнической принадлежности. Демонстрируется возможность использования данных о характере межличностных отношений для анализа психологической безопасности личности в условиях разных этноконтактных сред.

Ключевые слова: среда; полиэтничная, аутоэтническая безопасность; личность.

Современная этническая среда представляет собой многокультурное образование, где «этнокультурные» символы и артефакты, трансформированные в «продукты потребления», свободно пересекают национальные границы, испытывая на себе влияние многообразия типов структур и значений «этнических различий» и, в свою очередь, оказывая влияние на формирование такого многообразия» [1. С. 28]. Для описания широкого диапазона социальных и культурных феноменов, включающих в себя смешение двух и более культур, в науке используются разнообразные понятия: «гибридность» (J. Hutnyk), этнокультурная «мозаичность» (В.А. Тишков), «мультикультурализм» (Дж. Берри), «этнофункциональное смешение» (А.В. Сухарев), «глобалитет» (И.В. Кондаков), «мультикультуральность» (К. Легтеви), «многокультурие» и «транскультура» (М. Эпштейн), «полиэтничность» (С.К. Бондырева, Е.Б. Весна, Сайко Э.В. и др.) и «полиэтническая среда» (Гуриева С.Д., Мольденгауэр Н.В.) и др.

Психологический анализ общества как полиэтничного построен на представлении о том, что многие люди в современном мире не принадлежат к одной этнической группе, а являются членами двух и более общностей, носителями нескольких культур, которые «замыкаются» друг на друга в самых различных комбинациях, находясь при этом в постоянной динамике. Полиэтническое общество есть тем самым общество социального разнообразия, причем, как считают ученые, принципиально изменчивого. В контексте современных глобализационных трансформаций этнокультурное пространство часто рассматривается как система символов-медиаторов «вечного праздника различий», игры, участвуя в которой индивид выполняет функцию самореализации [2], приобретая возможность стать иным, уникальным и только в этой уникальности – востребованным [3].

Влияние ситуации полиэтничности на межличностные взаимоотношения вызывает неоднозначную оценку исследователей. С одной стороны, высказываются мнения, что полиэтничная среда расширяет возможности взаимодействия с представителями других этнических общностей, приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, формирует и развивает этническую осведомленность и навыки межкультурного взаимодействия. При этом подчеркивается, что опыт межетнического взаимодействия обуславливает интерес и к собственной этничности, что способствует более раннему формированию этнической идентичности в целом [4]. Таким образом, человек приобретает все более осмысленную действительность, наполняет ее новыми смыслами и символами, обретает все более богатую идентичность. С другой стороны, считается,

что сама жизнь в полиэтничном пространстве даже в благоприятных ее проявлениях приводит к межгрупповой напряженности в широком смысле слова. Напряженность может выражаться не только в форме конфликтных действий, но и в скрытой, тлеющей форме, когда общение с представителями других культур воспринимается как источник конфликтов [5]. Так, в исследовании, проводившемся в Москве, было выявлено, что русские как принимающее население по отношению к мигрантам не испытывают полного чувства уверенности в своей безопасности в поликультурной среде. Из всех трех компонентов интегральной безопасности (экономической, культурной и физической) особенно низкими оказались показатели физической (отсутствие опасения за свое здоровье) и экономической (отсутствие боязни сильной конкуренции за рабочие места) безопасности. Культурная безопасность (уверенность в сохранности собственной культуры) также оказалась сниженной, но в меньшей степени.

По мнению автора данного исследования, полученные результаты свидетельствуют о том, что русские в ситуации притока инокультурных мигрантов ощущают тревогу и не могут чувствовать себя в безопасности, хотя реальной угрозы практически нет [6]. Между тем, согласно гипотезе мультикультурализма, сформулированной Дж. Берри, принятие представителей иных культур свойственно только тем индивидам, которые испытывают чувство безопасности и уверенности. И напротив, те, кто испытывает чувство незащищенности, угрозы, будут воспринимать других «в штыки» [7]. Итак, современный мир воспринимается человеком как нечто многомерное, многослойное, изменчивое, пронизанное разнообразием этнокультурных связей и отношений. Сталкиваясь с многомерностью и разнообразием культурного окружения, с различными культурно-специфическими взглядами на мир, человек неизбежно оказывается перед необходимостью решения проблем оптимального и безопасного функционирования и развития и прежде всего в системе межличностных отношений, которые позволяют человеку оценить себя, личный опыт и собственную значимость в межличностном взаимодействии [8].

Основная задача исследования заключалась в выявлении и сравнении восприятия межличностных отношений (в том числе включенность во взаимодействие, уровень эмоциональности, контроль над ситуацией при взаимодействии с другими людьми) респондентами из ауто- и полиэтничной среды. Под термином «аутоэтническая среда» мы в нашем исследовании понимали ситуацию совпадения этнической принадлежности и родного языка респондентов с доминирующим этносом (гр. *autos* – сам; использовано как соответствующее по

значению словам «свой», «собственный»). «Полиэтническая среда» (гр. poly – много, многое, разнообразный состав чего-либо), соответственно, понималась как ситуация, в которой находятся респонденты, относящие себя к группе людей, этническая принадлежность которых не совпадает с доминирующим этносом, представители этнических меньшинств. Понимая относительность и условность применения термина «аутоэтническая среда» в ситуации глобального «многокультурия» (М. Эпштейн), для распределения респондентов по группам, находящимся в условиях аутоэтнической или полиэтнической среды, мы использовали сочетание трех показателей: 1) соответствие декларируемой респондентом этничности доминирующему этносу; 2) соответствие используемого респондентом языка общения в социальной среде родному национальному языку; 3) соответствие языка, на котором респондент думает, языку общения в социальной среде. О принадлежности респондентов к выборке, находящейся в полиэтнической среде, свидетельствовало несовпадение хотя бы по одному показателю.

Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные автором в ходе серии этнологических экспедиций в национальные поселки Камчатского края в течение 2007–2010 гг., а также данные, полученные в гг. Петропавловск-Камчатский, Киев, Харьков. Всего в исследовании приняли участие 172 человека разной этнической принадлежности (78 мужчин и 94 женщины), средний возраст 37,4 года. Распределение респондентов по группам осуществлялось нами в соответствии с выделенными критериями. Этническая принадлежность респондентов определялась по самоопределению. По критерию нахождения в ауто-/полиэтнической среде респонденты разной этнической принадлежности распределились следующим образом: в группе респондентов, отнесенных по сочетанию трех показателей к аутоэтнической среде, оказались лица, идентифицирующие себя с доминирующей этнокультурной группой «русские» в России (64 человека) и «украинцы» в Украине (22 человека); группу респондентов, отнесенных к полиэтнической среде, составили представители

коренных народов Севера (ительмены, коряки, чукчи, эвены) (75 человек) и украинского этноса, проживающие в России (11 человек), идентифицирующие себя с соответствующей недоминирующей этнической группой. В ходе исследования была применена стратегия сравнения социально-психологических характеристик респондентов по критерию их отнесенности к аутоэтнической или полиэтнической среде.

В эмпирическом исследовании для изучения степени включенности во взаимодействие, уровня эмоциональности и контроля над ситуацией использовался опросник межличностных отношений В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишникова [9]. Для изучения степени удовлетворенности респондентов собой и жизнью в целом применялись методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей и методика диагностики неудовлетворенности социальными достижениями Л.И. Вассермана в модификации В.В. Бойко, позволяющая оценить степень социальной фрустрированности в различных сферах жизни: профессиональной деятельности, социальном окружении, семейных взаимоотношениях [10]. Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS for Windows V 13.0.

Анализ результатов, полученных по опроснику межличностных отношений, осуществлялся нами исходя из постулатов трехмерной теории межличностных отношений В. Шутца, согласно которой существуют три области межличностных потребностей, внутри каждой из них наблюдается особая интенсивность личного поведения и поведения, которое человек требует от других людей: потребность включения, потребность контроля, потребность в аффекте. Как утверждает автор, для нормального функционирования индивида необходимо, чтобы существовало равновесие в трех областях межличностных потребностей между ним и окружающими людьми [11]. В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа данных, полученных по методике В. Шутца в двух группах респондентов.

Т а б л и ц а 1

Средние значения по шкалам опросника межличностных отношений В. Шутца

Шкала	Полиэтническая среда (n = 86)	Аутоэтническая среда (n = 86)	Эмпирическое значение t-критерия Стьюдента
Включение:			
Комфортность ощущения себя в общении	5,8	5,4	1,5
Потребность быть принятым окружающими	5,5	3,3	8,3***
Контроль:			
Избегание ведущей роли в общении	4,8	4,1	2,4*
Непринятие контроля над собой	4,4	5,2	3,04**
Аффект:			
Желание устанавливать чувственные отношения	5,7	5,3	1,89
Количество близких связей	6	3,9	2,07*

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Как следует из анализа показателей по шкалам включения, означающих потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, для респондентов обеих групп характерен достаточно высокий уровень комфортности ощущения

себя в обществе, что свидетельствует о потребности в постоянных социальных контактах, на основе которых возникает чувство взаимного интереса, взаимодействие, сотрудничество, желание чувствовать себя ценной и значимой личностью. По шкале «Потребность

быть принятым окружающими» обнаружена статистическая разница в двух группах ($p \leq 0,01$). По данным, представленным в табл. 1, видно, что респонденты из полиэтничной среды имеют выраженную потребность чувствовать себя ценной и значимой личностью, быть принятыми обществом, принадлежать к группе. Потребность быть включенным в данном случае объясняется желанием нравиться, привлекать внимание, интерес. При этом респонденты из полиэтничной среды ищут общения, желая завоевать любовь всего окружения. В группе респондентов из аутоэтнической среды также наблюдается стремление к общению с окружающими, респонденты ощущают себя в социуме достаточно комфортно, но в то же время склонны общаться с малым количеством людей, ограничиваясь привычным кругом своих контактов, не чувствуют нужды быть принятыми всеми.

Анализ по шкалам контроля, означающим потребность создавать и сохранять удовлетворительные отношения с людьми, позволил установить ряд особенностей в двух группах. По данным автора методики, на эмоциональном уровне данная потребность определяется стремлением создавать и сохранять чувство взаимного уважения, опираясь на компетенцию и ответственность. Поведение, вызванное потребностью контроля, относится к процессу принятия решения людьми, а также затрагивает области силы, влияния и авторитета. Сопоставляя средние значения, полученные в группах, мы выявили значимые различия по обоим шкалам: респонденты из полиэтничной среды значительно чаще склонны избегать ответственности, имеют высокую потребность в зависимости, колеблются при принятии решений ($p \leq 0,05$). Результаты позволяют говорить о респондентах из полиэтничной среды как о людях, готовых в общении принимать давление и контроль над собой ($p \leq 0,01$). Полученные данные позволяют заключить, что в группе респондентов из полиэтничной среды более выражена тенденция личности избегать ответственности за исход совместных событий в группе, занимать подчиненную позицию, представляя партнерам по общению ведущие роли.

Третий блок шкал позволил определить уровень аффекта во взаимодействии, который означает стремление создавать и сохранять взаимные эмоциональные отношения. Его показатели в группе из полиэтничной среды по шкалам «Желание устанавливать чувственные отношения» и «Количество близких связей» говорят о склонности респондентов к установлению чувственных отношений с окружающими и стремлению включить в их круг как можно большее количество людей. Респонденты из аутоэтнической среды продемонстрировали более низкие показатели по данным шкалам ($p \leq 0,05$). Так, было выявлено, что респонденты из аутоэтнической среды демонстрируют осторожность при установлении близких отношений с людьми. В сравниваемой группе респондентов из полиэтничной среды выявлена меньшая избирательность в дружеских контактах, готовность устанавливать чувственные связи с большим числом лиц. Желание укрепить социальные связи, свойственное респондентам данной группы, может быть объяснено стремлением через взаимодействие с другими людьми, реализацию потребности в

принятии, принадлежности к группе, получении одобрения со стороны как можно большего количества людей обрести чувство безопасности, почувствовать социальную поддержку.

Следующий этап нашего исследования был посвящен анализу результатов, полученных в ходе диагностики степени удовлетворенности основных потребностей (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Средние значения по шкалам методики диагностики
удовлетворенности основных потребностей**

Шкала	Полиэтни- чная среда (n = 86)	Аутоэтни- чная среда (n = 86)	Эмпирическое значение t-критерия Стьюдента
Материальные по- требности	19,04	21,82	1,66
Потребности в без- опасности	16,45	22,68	4,49**
Социальные потреб- ности	19	14,96	2,35*
Потребности в при- знании	18	21,51	2,39*
Потребности в само- актуализации	23,82	30	4,44**

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Статистический анализ данных показал достоверно значимые различия в двух группах в удовлетворенности всех представленных потребностей, кроме материальных (по показателям данного вида потребностей обе группы находятся в зоне частичной неудовлетворенности). Для респондентов из поликультурной среды показатели уровня удовлетворенности потребности в безопасности ниже, чем в группе респондентов из аутоэтнической среды ($p \leq 0,01$). Известно, что прогнозируемость, предсказуемость и высокая степень контроля над миром обеспечивают личности ощущение устойчивости, постоянства, а значит, защищенности, уверенности в том, что мир неизменен. Возможно, что именно восприятие респондентами из аутоэтнической среды этнического пространства как относительно однородного, состоящего преимущественно из «своего» окружения, служит фактором, снижающим потребность в безопасности. У респондентов из полиэтничной среды представление об окружающем пространстве характеризуется непростроенностью собственных взаимоотношений с миром, противоречивостью убеждений, непредсказуемостью, вызванной в том числе наложением нескольких этнических картин мира, что объясняет поиск личностью тех ориентиров, которые призваны обеспечить защищенность и комфорт. Показатель удовлетворенности в признании у респондентов из полиэтничной среды также достоверно ниже ($p \leq 0,05$), чем в сравниваемой группе. Выявленные различия в показателях двух групп могут объясняться способностью человека «реализовывать свою потребность в признании в контексте этнических и межэтнических взаимоотношений» [12. С. 215].

В науке признана идея о том, что реализация потребности в признании есть не только реализация притязаний на социально значимый формальный статус, но и реализация притязаний в сфере символической функции человеческих ценностей, имеющих исторически

сложившиеся значения и смыслы для каждой культуры [12]. Нам представляется, что для респондентов из недоминирующих этнических групп, которые представляют группу из полиэтничной среды, потребность в принятии собственной культуры членами межличностного взаимодействия, по-видимому, чрезвычайно актуальна. Поскольку группу респондентов из полиэтничной среды преимущественно составили представители коренных народов Севера (87,2%), позволим себе некоторые размышления о восприятии данными народами культуры доминирующего большинства. Мы предполагаем, что предъявление народами Севера своих прав на общественное уважение со стороны других национальностей связано с потребностью не только признания отдельной личности, но и культуры народов Севера в целом. Несмотря на то что в последние десятилетия во всем мире интерес к культуре коренных народов Севера увеличивается, происходит активное осмысление их миропонимания, опыта мироустройства, признается уникальность, самобытность их мировоззрения и идентичности, тем не менее на личностном уровне все еще остро переживается негативный исторический опыт разрушения русскими исконной этнической принадлежности коренных северян.

Многие представители коренных народов не приняли «деятельность» Советского государства, выступавшего «проводником в современный мир лучших традиций аборигенного населения» с целью «уничтожить отсталость, грязь и изоляцию, оберегая в то же время их древнюю мудрость, чистоту и невозмутимое спокойствие», в результате чего «северянин должен был стать русским, оставаясь представителем своего народа» [13. С. 409], достигнув состояния «социальной и психологической интеграции с еще одной культурой без потери богатств собственной» [14. С. 291]. Пребывание народов Севера в течение длительного времени в полиэтничной среде, где им в силу исторически сложившихся реалий жизни приходилось не только ощущать себя среди «чужих», но и переживать опыт усвоения русской культуры как своей собственной, ее традиций, языка, отразилось на восприятии собственной личности в процессе межличностного взаимодействия. Как показали результаты наших исследований, русская культура так и не стала релевантной жизненному мировосприятию коренных народов Севера, а потому часто воспринимается ими как внешний, формальный компонент, не отвечающий внутренним существенным потребностям личности, и потому ценности этой чужой для аборигенов культуры переживаются не как истинные культурные цели и ценности.

Успешные межличностные отношения предполагают формирование чувства удовлетворенности в различных сферах жизнедеятельности и возможность самореализации в социальной и культурной жизни группы. По двум другим шкалам методики – «Социальные потребности» и «Потребности в самоактуализации» – показатели в группе респондентов из полиэтничной среды выше ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$), чем в группе из аутоэтнической среды. Мы полагаем, что это связано с осознанием сложности (а в ряде случаев и невозможности) реализации названных потребностей в условиях чуждой им культуры, в которую они погружены в силу

сложившихся обстоятельств, что, в свою очередь, вызывает потребность в других людях, так как «люди с мотивациями недостатка должны нуждаться в других людях, поскольку удовлетворение большей части их потребностей (любовь, безопасность, уважение, престиж, принадлежность) может прийти только от других» [15. С. 401].

Самоактуализация признана исследователями способностью максимально реализовывать в жизни собственный внутренний потенциал [15]. Стремление к самоактуализации, по мнению ученых, является предпосылкой и механизмом, облегчающим адаптацию в любых жизненных условиях. В этом процессе задействованы духовные, ценностные, мотивационно-смысловые образования, тесно связанные с общим уровнем личностной зрелости. Установленный эмпирический факт, свидетельствующий о неудовлетворенности потребности в самоактуализации у респондентов из полиэтничной среды (заметим, что данный вид потребностей имеет самый высокий средний показатель), подтверждает осознание респондентами данной группы невозможности достижения внутреннего комфорта, а следовательно, и чувства психологической безопасности в сложившихся условиях. Полученные данные в целом согласуются с результатами методики диагностики неудовлетворенности социальными достижениями Л.И. Вассермана. Результаты сравнения данных с помощью t-критерия Стьюдента представлены в табл. 3.

Таблица 3
Средние значения по методике диагностики
неудовлетворенности социальными достижениями

Шкала	Полиэтническая среда (n = 86)	Аутоэтническая среда (n = 86)	Эмпирическое значение t-критерия Стьюдента
Социальная фрустрированность	2,5	1,8	4,73**

** $p \leq 0,01$.

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что для респондентов из полиэтничной среды характерен более высокий уровень социальной фрустрированности, чем для респондентов из аутоэтнической среды ($p \leq 0,01$). Таким образом, оценка степени удовлетворенности респондентов собой, социальными достижениями и жизнью в целом показала, что в полиэтничной среде человек значительно чаще испытывает чувство неудовлетворенности межличностным общением, а также потребность в реализации своих потенциальных социальных достижений.

Следующим этапом нашего исследования явилось установление связей между ощущением безопасности личности и характером межличностных отношений. Согласно данным корреляционного анализа, проведенного по всей выборке, потребность в психологической безопасности связана с потребностью быть принятым окружающими ($r = 0,187^*$), непринятием контроля над собой ($r = 0,174^*$), а также с социальной фрустрированностью ($r = -0,281^*$). При более детальном рассмотрении матриц интеркорреляций в двух группах были выявлены связи между потребностью в психологической безопасности и установлением чувственных отношений с людьми ($r = 0,448^{**}$) и потребностью в при-

знании ($r = 0,193^*$) в группе респондентов из полиэтнической среды и потребностью в психологической безопасности и установлением чувственных отношений с людьми в группе респондентов из аутоэтнической среды ($r = -0,288^{**}$), а также между психологической безопасностью и потребностью в самоактуализации ($r = 0,345^*$) в группе респондентов из аутоэтнической среды. Эти данные позволили прийти к заключению, что в группе респондентов из полиэтнической среды достижение психологической безопасности личности связывается с поддержкой со стороны социума, достижением взаимных эмоционально положительных контактов с большим количеством людей, а в группе респондентов из аутоэтнической среды – с ориентацией на социальные достижения и возможностями личностной самоактуализации.

Исследование показало, что восприятие характера межличностных отношений у респондентов разных этноконтактных сред имеет ряд отличий. При наличии выраженной потребности в безопасности и признании респонденты из полиэтнической среды значительно чаще испытывают чувство неудовлетворенности межличностным общением, умением ориентироваться в социальных ситуациях, своими социальными достижениями, а также неспособностью реализовывать в жизни собственный внутриличностный потенциал. Потреб-

ность в социальных контактах, на основе которых возникает ощущение принадлежности к группе и собственной значимости, объясняет возникновение неуверенности, проявляющейся в неестественности поведения, зависимости от партнеров по общению, избегании ответственности за исход совместных дел и неспособности к адекватному самовыражению в общении. В ходе исследования было обнаружено, что в полиэтнической среде вследствие фрустрированности ведущих потребностей повышается склонность к установлению чувственных отношений с большим количеством людей, возникает потребность быть принятыми всем окружением; было установлено также, что достижение психологической безопасности респонденты из разных этноконтактных сред связывают с актуализацией разных потребностей.

Таким образом, восприятие межличностных отношений респондентами из разных этноконтактных сред может выступать индикатором ощущения психологической безопасности личности. В связи с этим открываются новые ракурсы исследования психологической безопасности и возможности проведения эффективной психологической работы при создании условий для реализации внутриличностных и межличностных потребностей человека с учетом его этнической принадлежности и особенностей этноконтактной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева А.Н. Культурные различия как основа этнической идентичности в контексте глобализации // Мир психологии. 2009. № 3. С. 28.
2. Turner T. Anthropology and Multiculturalism: What is Anthropology That Multiculturalism Should Be Mindful of It? // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8, № 4. P. 411–429.
3. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб. : Алетейя, 2002. 667 с.
4. Гуриева С.Д. Установка и межэтнические отношения. СПб. : Нестор-История, 2008. 272 с.
5. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников : учеб. пособие. М. : Привет, 2004. 358 с.
6. Татарко А.Н. Мигранты в Москве: угрозы истинные и мнимые // Миграционные процессы и проблемы адаптации / отв. ред. В.В. Константинов. Пенза : ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. С. 73–97.
7. Berry J.W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis // Canadian Journal of Behavioral Science. 1984. № 16. P. 353–370.
8. Пепло Л., Мицелии М., Морали Б. Одиночество и самооценка // Самосознание и защитные механизмы личности : хрестоматия. Самара : БАХРАХ-М, 2000. С. 261–281.
9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 490 с.
10. Основы психологии. Практикум / ред.-сост. Л.Д. Столяренко. Ростов н/Д : Феникс, 2000. 576 с.
11. Шутц В. Глубокая простота. СПб. : Роза мира, 1993. 218 с.
12. Мухина В.С. Этнопсихология: настоящее и будущее // Феноменология развития и бытия личности. Москва ; Воронеж, 1999. 443 с.
13. Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М. : Ин-т психологии РАН, 1999. 320 с.
15. Маслоу А. Психология бытия. М. : РЕФЕЛ-бук, 1997. 300 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 27 февраля 2012 г.